

12 часов до смерти

Первый день войны глазами спецкора “МК”.

12.08.2008 14:50

Виктор Сокирко, Цхинвали-Москва

“Атака грузин началась неожиданно. Они поднялись из укрытий в полный рост, направив на колонну автоматы. Я поначалу и не понял, кто они такие — только натовский камуфляж и каски выдавали противника”.

Из Осетии вернулся наш редактор отдела Подмосковья Виктор Сокирко. Должность у него мирная, а прошлое военное: майор запаса, служил в Афганистане, был военкором в Чечне.

В пятницу Витя выехал в зону конфликта. И оказался на волосок от смерти. Коллег, находившихся вместе с ним, ранило. Колонна 58-й армии, с которой в Цхинвали пробивались журналисты, попала в грузинскую засаду.

О событиях первых дней войны в Южной Осетии Витя смог написать только сейчас...

Война в Южной Осетии на самом деле не так уж и далеко от Москвы, как это кажется по телевизору. Добраться туда можно буквально за одну ночь. Сегодня — умиротворение столицы, кряхтящей от пробок на улицах и МКАД, завтра — пороховая гарь, кровь и... тоже пробки, но уже колонн бронетехники на горных перевалах. Разница во времени — всего-то 12 часов на дорогу. И уже другая жизнь. И другое к ней отношение. Потому что оборваться она может в любую секунду. Не важно, кто ты — солдат, ребенок, журналист, — война валит всех подряд.

Собрать рюкзак — пара пустяков, дело привычное. Пятница, 21.40. Последний рейс из “Внуково” во Владикавказ. С билетами проблема, но “корочка” “МК” помогает выбить последнюю бронь у охрипшей от отказов желающим улететь кассирши. Рейс задерживается, и во Владике самолет садится лишь ближе к часу ночи. Тоже неплохо — все-таки большая часть пути уже позади. Впрочем, оставшиеся 190 километров до Цхинвали преодолеть, пожалуй, будет гораздо сложнее.

Не заметив в самолете корреспондента “Комсомолки” Сашу Коца, давнишнего знакомого, встречаемся с ним в аэропорту “Беслан”. Мысль о комфортном ночлеге в гостинице дружно отмечаем и начинаем присматриваться к стоящей неподалеку “восьмерке” — армейскому вертолету “Ми-8”. Его припарковали не на дальней военной площадке, а прямо у выхода на летное поле — может, кто-то из начальства полетит в зону конфликта? Не повезло — час прокурили впустую. Зато ожидание обернулось встречей с местными телевизионщиками, которые подбросили к стоянке ночного такси. На удивление быстро нашелся доброволец, согласившийся довезти до границы с Южной Осетией.

Постоянно обгоняем армейскую колонну. Вначале это отставшие одиночные грузовики и танки, а потом идущая боевым маршем колонна мотострелкового полка. Судя по условным знакам на броне — из 58-й армии. Красиво едут — стволы расчехлены и направлены вправо-влево через одну машину, даже локаторы зенитных комплексов крутятся. Почему-то бросилось в глаза, что не было ни одного артиллерийского орудия. Может, вперед ушли? Обогнали...

На посту ГАИ — группа местных омоновцев. На наш вопрос покрутили пальцем у виска: “Какой Цхинвали? До туннеля не доедете!” Впрочем, пожелали удачи. Удача пригодилась — раздолбанная “Волга” протащилась по горным ущельям прямо до пограничного поста. Еще часовой перекур, и армейская колонна медиков (четыре “таблетки” и “Урал” медсанбата) стала тем транспортным средством, которое доставило нас к рассвету в Джаву.

“Сидите в машине, а то выгонят!”

Раннее утро субботы. Джава — прифронтной поселок Южной Осетии. За ним официально начинается зона боевых действий. Впрочем, до самого разрушенного взрыг Цхинвали еще 28 километров по горным серпантинам. По прямой — километров 10—15. Но прямая — только для снарядов и ракет “Града”. В Джаве разворачивается и штаб группировки — но где он, толком никто из военных еще не знает. Ополченцы (большая часть южные и северные осетины, но есть и ребята из соседних республик, даже из Чечни) формируют колонну из “Нив”, “уазиков” и всевозможных легковушек для похода на Цхинвал (в русском написании город звучит как “Цхинвали”, в местном — “Цхинвал”, наверное, и так и так правильно). На площади ополченцам раздают автоматы и боеприпасы, под расписку. Значит — дело к бою.

Довольно легко договариваемся, чтобы нас взяли с собой — ополченцы к российским журналистам весьма лояльны. Через полчаса уже пылим с комфортом в еще вполне приличном “Ниссане”. В километре за Джавой останавливаемся, и все бойцы выходят из машин — с нами в колонне едет и президент республики Кокойты. Он и проводит последний инструктаж, ставит задачу на зачистку города от оставшихся там грузинских военных. На нас шикают: “Сидите в машине, а то выгонят, приказ брать только подготовленных и хорошо вооруженных!” Доводы о том, что ручка и блокнот наше оружие, впечатления не производят.

“Воздух!!!”

Через час извилистой и очень пыльной дороги мы уже вблизи Цхинвали. На него здесь нацелена колонна армейской бронетехники — танки, БМП, видна батарея самоходных 152-мм гаубиц. Ополченцы прощаются с нами — отсюда им идти в бой. Время — 9.20.

— Воздух! Воздух!!! — крик передается из уст в уста и тревожно отдается где-то внутри.
— Всем в укрытие!

Укрытий нет, поэтому приходится бежать в кусты и плюхаться лицом в землю. В небе действительно слышен звук реактивных двигателей самолетов. Два грузинских штурмовика выскочили из-за горы и тут же вильнули в сторону — по ним активно открыли огонь автоматические 40-мм пушки БМП, шарахнули ПТУРСом. Управляемый реактивный снаряд промазал, а вот кто-то из пушки попал — штурмовик задымил под крики “ура!” и бешеный огонь из автоматов и пулеметов.

Оптимизма прибавилось. Впрочем, ненадолго. Неожиданно в разговоре с военными выяснилось, что: “а” — до Цхинвали еще топтать как минимум 7 км (вместо обещанных трех), “б” — город отнюдь не под полным контролем Российской армии, и там идет бой, “в” — колонна ждет приказа на начало движения с пяти утра и неизвестно, когда пойдет. Мысль о том, чтобы все-таки дойти до города пешком, развеялась с первым же разрывом снаряда. От нас — метрах в ста, но аккуратно по стоящим на обочине “шишигам” (“ГАЗ-66”) минометной батареи. Две загорелись. Пришлось отступать, благо штаб армейцев был неподалеку, но и там было не так чтобы и спокойно. Каждый свист снарядов над головой заставлял прижиматься к броне БМП. Появились первые раненые. Потом еще и еще...

Ополченцы не прорвались

Заработали орудия самоходных гаубиц, добавилось высоких ноток в криках-командах командиров. Впрочем, военные действовали не так чтобы и нервно — уверенно действовали. Вперед пошли БМП, на которых уселись гроздьями ополченцы, потянулись вперед танки. Это был боевой разведывательный дозор. Чувствовалось, что вся группировка готовится начать движение на Цхинвали. От залпов самоходок вздрагивает земля, грузинские снаряды либо перелетают, либо не долетают до нас...

Через час вернулись ополченцы — прорваться не смогли. Потеряли один БМП и людей. Но картина все еще не выглядела удручающей. Подбадривал и вид командующего группировки генерал-лейтенанта Хрулева из 58-й армии. Он был спокоен и деловит. Было видно, что генерал ищет оптимальный путь для наступления и не спешит, чтобы не потерять людей. Даже к журналистам (помимо нас здесь была и съемочная группа “Вестей” Александра Сладкова) он относился весьма спокойно и отвечал на наши вопросы. “Сегодня будем в Цхинвали. Разблокируем миротворцев, займем свой сектор в городе”, — объяснял генерал.

Но какая-то недосказанность чувствовалась в его словах...

— Артиллерии у нас мало, танков тоже мало, боеприпасов всего один боекомплект, когда как минимум три надо, — эти слова одного из офицеров, сказанных вполголоса, обозначили общую тревогу.

— Что говорить, если изначально мы готовились к учениям в Южной Осетии и только в последний момент стало ясно, что едем воевать? — говорил другой офицер. — Даже боеприпасы брали с собой половину штатных (то есть учебных), половину боевых. И из обозначенного полка здесь находится меньше половины.

Картина получалась невеселая. Превосходство грузин — по всем статьям. По артиллерии. По танкам. По численности. Господствующие высоты — за ними. И даже прорвавшаяся накануне в Цхинвали группировка если и вошла в город, то отнюдь не взяла его под свой контроль — лишь отдельные участки, на которых завязла в уличных боях. Даже расположение наших миротворцев, сидевших в осаде, не разблокировали. Нужны были мощные дополнительные силы. Они были на подходе. Подход в горах — дело долгое. Вот и выжидал генерал Хрулев эти силы. А сверху торопили — кто-то же умудрился доложить наверх, что Цхинвали взят под контроль!

“Сами поедете, товарищ генерал?”

Решение на вхождение в город пришло неожиданно. Из Цхинвали пробилась пешком группа миротворцев — 9 человек. Они прошли по проселочной дороге с обратной стороны горы, не встретив вооруженного противодействия грузин.

— БМП пройдут? — поинтересовался Хрулев.

— Пройдут, товарищ генерал.

Генерал дал подчиненным час времени на принятие решения и постановку задачи. А разведка ушла по маршруту практически сразу — выйдя на окраину Цхинвали, они должны были доложить об обстановке.

Все вокруг засуетилось, задвигалось, военный механизм завертелся в привычном ритме — колонна на Цхинвали вытягивалась в боевой порядок.

— Вы сами поедете, товарищ генерал? — в голосе командира полка Геннадия Гостева проскользнула легкая нотка удивления.

— Да, сам, — впервые в устах спокойного Хрулева почувствовалось какое-то раздражение.

И впрямь странно, что аж целый генерал-лейтенант, предназначенный для управления армейскими соединениями, возглавит колонну батальона. Только потом мы поняли почему. Он знал, КУДА и на ЧТО посылал своих людей! И как боевой генерал и офицер чести не мог бросить подчиненных одних в такой ситуации. Мне кажется, что на успех операции он мысленно отводил не более 10 процентов. Оставшиеся 90 оставлял на свой (или не свой?) провал. Как говаривали римляне: “Со щитом или на щите!” Впрочем, вида генерал не подавал. Как можно, когда есть приказ?

В бой готовился идти батальон — 30 БМП, 2 танка и 3 бэтээра, из которых два — связи. Дозаправились горючим и сухпайками. Готовность полная.

— Вечером сюда вернемся или в Цхинвали останемся? — поинтересовались у генерала исключительно из практических соображений, ведь переночевать где-то нужно.

— Вернемся, — кивнул головой Хрулев.

Но вещи мы все же закинули на броню штабного бэтээра — походный рюкзак много места не занимает, да и под рукой всегда.

“Грузины поднялись в полный рост”

Обходная проселочная дорога и впрямь оказалась удачной “находкой” — после сорокаминутного марша, который омрачали лишь хлещущие по лицу ветки, вышли на юго-восточную окраину Цхинвали. Было тихо. Встретились с посланной вперед разведкой. Тихо. Пока еще тихо...

В памяти всплывали почему-то услышанные ранее по радиации сообщения наблюдателей: “В направлении Цхинвали движется грузинская колонна из пятидесяти танков”. “Грузинские танки атакуют район вокзала”. Но с другой стороны — мы же не одни в городе! Вот прорвемся в расположение миротворцев, и все будет в порядке. Тем более что там сидят и наши коллеги-журналисты — освободим!

Колонна двинулась вперед, в направлении разрушенного пивзавода. Красиво так пошли, уверенно.

...Атака грузинских солдат началась неожиданно и как-то даже немного театрально. Вместо того чтобы открыть огонь из укрытий, они поднялись в полный рост, направив на колонну автоматы. Честно говоря, я даже поначалу и не понял, кто они такие, — только натовский камуфляж и каски выдавали противника. И тут началось!

Огонь на поражение — практически в упор. Было видно, как пули разрывают форму, казалось, что даже сами пули видно. Жажнул гранатометный выстрел, и запылала впереди бээмпэшка. Колонна встала под шквалом огня.

“Я — киллер”

Все спрыгнули с бэтээра — не все, правда, удачно. Пуля сразу зацепила телеоператора. Я замешкался, думая, что колонна будет выходить из зоны обстрела. А когда понял, что нужно искать укрытие на земле, — увидел направленный на себя автомат. Метров с шести, почти в упор. И девушку в натовской форме, которая целилась в меня. Ей было лет 25, этой грузинке, небольшого роста, довольно привлекательная, если не сказать — красивая. И форма шла этой маленькой женщине. Все это промелькнуло в мозгу за считанные доли секунды. Я негромко крикнул: “Я — журналист!” Она опустила автомат и в это же мгновение была скошена автоматной очередью, которая сломала ее пополам. Она так и упала на землю, свернувшись комочком.

Мешкать не стоило, и мне пришлось перекатом добраться до кювета. Там уже залег Саша Коц. Метрах в пятнадцати залег генерал Хрулев, съемочная группа Сладкова из “Вестей”, шесть-семь солдат и офицеров, кто-то перевязывал руку оператора.

А бой разгорался уже нешуточный — плотность огня нарастала, в ход пошли ручные гранаты. Надо было выходить из зоны обстрела. Мы с Сашкой, выждав паузу, перебежали к группе генерала. Он на удивление ловко метнул гранату в сторону нападавших.

Решили пробираться вдоль бетонного забора к хвосту колонны — там было потише. Рванули по кустам вперед. Через метров десять — четыре грузина! Их покосили моментально. Все было как в кино, я даже испугаться толком не успел. Бежим дальше. И тут...

Впереди мелькнула фигура в камуфляже. Саша крикнул: “Мы — журналисты!” В ответ прозвучало: “А я — киллер”. Потом вспышка, очередь, взрыв! Грузин выстрелил в нас из гранатомета и попал в солдата. Его самого свалил очередью бежавший чуть в стороне наш майор.

Полный провал памяти. Очнулся на земле, кажется, перевернувшись в воздухе, уткнувшись лицом в камни. Гарь, дым, горит трава. На мне кто-то лежит. Приподнял голову — Сашка на расстоянии вытянутой руки, на меня смотрит.

— В порядке? — спрашиваю его.

Отрицательно качнул головой.

— Зацепило?

— Рука. Разорвало.

Бой идет очень активный, пальба-стрельба, пушки БМП жахают, пули свистят над головой, и спасает только этот неглубокий кювет на обочине, в котором мы и лежим. Прислушался к себе — бок болит и ребра, но это от падения на землю. Сашка ранен. На мне лежит раненый сержант, рядом с ним уткнулся в землю подполковник, но вроде тоже дышит. Впереди — убитый грузин-киллер. Ближе к обочине лежит майор, который завалил киллера. Вначале показалось, что он занял позицию, но офицер откинулся на спину, и стало понятно, что ему крепко досталось от взрыва.

Потихоньку поворачиваю голову назад — понять, на чем там моя нога лежит. Лучше бы не смотрел! Развороченное и полностью обугленное тело, вернее, разрозненные его части — все, что осталось от бойца, принявшего на себя основной удар гранаты. Картина нерадостная. И сделать ничего нельзя, даже приподняться. Только ждать, когда стихнет бой, а он все продолжается и продолжается. Пули чавкают по забору, по веткам, по дороге, по броне БМП. Но нас никто не видит — ни свои, ни чужие.

“Сука, ноги перебил...”

Сколько времени прошло — непонятно. Полчаса, час, полтора? Показалось, что больше часа. Колонна все-таки пошла вперед, и мы остались в кювете одни — два трупа, четверо раненых и я, у которого только царапины. Пополз к майору — он еще подавал признаки жизни и приподнимал голову, чтобы убедиться, действительно ли мертв пальнувший в нас грузин.

— Сука, ноги перебил, — прошептал майор.

В голове офицера, чуть выше правого глаза была пробоина в три сантиметра. Сквозь нее было видно, как пульсирует мозг и вытекает бледно-розовая жидкость. Правая рука майора была раскучурена. Из бока тоже сочилась кровь. Он был самым тяжелым из всех раненых.

В его разгрузке нашелся санпакет с бинтами. Перевязал ему голову — скорее для того, чтобы закрыть рану. Бинты кончились. Спрашиваю майора, как фамилия. “Захаров”. — “Какое училище заканчивал?” — “Казанское”. — “Значит, танковое. А в суворовском не учился?” — “Не успел закончить”. Майор замолк...

На дороге — никого, только вдали, куда ушла колонна, гремит бой и поднимаются клубы дыма: горят подбитые БМП. Нет генерала и наших коллег (как потом выяснилось, ранили и Хрулева, и Сашу Сладкова, и их эвакуировали). Надо выбираться. Проезжающая БМП направила на меня ствол. Не выстрелила, но и не остановилась, несмотря на размахивание окровавленным бинтом. Еще одна бээмпэшка тормознула.

— Мех, сдавай назад — здесь раненые, надо вывозить!

Мальчишка, механик-водитель, очумевший, ничего не понимает, но все-таки понял, хотя и не хотелось ему светиться на открытом месте.

В десантном отделении помещаются только Саша, сержант и подполковник — больше места нет. Пытаюсь все-таки вытащить майора — не шевелится. Пули запели над головой. Единственное решение — возвращаться на развилку и оттуда возвращаться за майором.

Мимо пронесется БМП — прямо по ногам лежащего на дороге убитого солдата. Невольно морщусь — больно же! Потом понимаю, что этому уже не будет больно никогда.

“Нет больше батальона”

Добрались до развилки — там семь БМП и БТР. Нахожу бинты и димедрол. Бинтую Саню — сквозь развороченную руку видны кости, но вроде целы. Остальных тоже перевязывают. Начштаба батальона отправляет БМП за майором и лежащим на дороге солдатом. Наконец-то можно закурить. Вроде пронесло...

— Танки! Танки грузинские сюда идут! — крик разрушает минутное спокойствие.

Решение — отступить. Куда БМП против танка? Начинаем уходить по объездной дороге. Сзади слышны выстрелы. Вспыхивает одна бээмпэшка, вторая. Но мы все-таки ушли из-под обстрела! Когда свернули на проселочную дорогу и максимально увеличили скорость — взрыв. Оглядываюсь — БМП за нами разрывается, как картонная коробка. Еще не все? Нет — еще одна окутывается клубами черного дыма. Следующие мы? Ждать выстрела в спину — жуть как неприятно. И ответить нечем — танки бьют с большой дистанции. Километр до леса показался самой долгой дорогой в жизни! Ушли!

Когда добрались до исходной позиции, с которой два (может, три?) часа назад начинали движение к Цхинвали, пересчитал технику. Осталось пять БМП и один БТР.

— Нет больше батальона, — кричал, сидя на земле и стуча по ней кулаком, начштаба. — Зачем?! Зачем?! Я же говорил!..

О чем и кому что-то говорил майор, не прозвучало. Но было понятно, что и он, и другие офицеры, которых учили тактике боевых действий, знали, что нельзя было идти в город, “полностью контролируемый Российской армией”, с такими силами, с одной лишь надеждой и отвагой. Дать грузинам, разбившим батальон благодаря численному превосходству в технике, возможность почувствовать свою силу. Видно было, что с уст майора готовы были сорваться многие слова, но он закапывал их в землю — вгонял кулаком.

...На следующее утро стало известно, что Цхинвали практически полностью перешел под контроль грузинских войск. Еще через день их выбили оттуда.

— На одни и те же грабли наступаем. Когда научимся? — услышал я потом в штабе уже знакомые до боли слова. Их произносили и в Чечне, и уже здесь, в Южной Осетии.

Действительно, когда?

<http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/08/12/society/366011/>